

Анархизм и национализм

Макс Неттлау

1931

Оглавление

***	12
***	16

Что такое национализм? С моей точки зрения, это именно то состояние, когда нечто хорошее превращается в нечто плохое. Например, когда употребление становится злоупотреблением, индивидуализм становится эгоизмом, собственность для личного потребления становится монополией, свобода — распущенностью или тиранией. Одним словом, это состояние, когда перейдена граница, допущена чрезмерность. Именно таким состоянием вырождения является национализм.

Национальность является общей характеристикой коллектива людей данной местности, вызывающей ощущение уюта и домашности, — такие чувства, каких эти люди не испытывают по отношению к чужакам. Если, однако, из этой дифференциации возникают надменность, вражда, чувство превосходства, презрение к чужакам, тогда национализм превращается в отрицательное, антисоциальное чувство. Это вырождение естественного и вполне социального чувства, чувства солидарности в пределах данной местности, без сомнения имеет очень старые и глубокие корни во всех многочисленных причинах, разделяющих людей. Но прогресс означает уничтожение этих причин и исчезновение всех форм вражды среди людей. Национализм также представляет собой, можно сказать, профессиональную болезнь авторитарного и социального общества и исчезнет, когда общество станет свободным и социальным.

Так как анархизм больше, чем какая-нибудь другая социальная теория, стремится привести к этой смене рабства свободой, монополии — солидарностью, то естественно, что замена национальной исключительности братством всех людей является одной из многих перемен, необходимых для освобождения человечества. Все эти перемены связаны и переплетены между собой в том понимании полного (интегрального) социализма, который в настоящее время представлен только анархизмом. Нам необходимо работать по всей линии прогресса, ибо социальная организация, претерпев лишь одну или несколько таких перемен, оказывается неспособной двигаться дальше, как это все мы знаем по опыту. Одни лишь социальные перемены, как в России, без свободы, политические перемены без справедливости, национальное освобождение без солидарности людей, все это и еще другое оставляет много важной работы не сделанною и не являются подлинным шагом вперед. Только анархизм остался свободным от этой односторонности и неполноты. Его роль в социалистическом развитии неизбежно принимает более широкие размеры по мере того, как неполные формы социализма остаются позади. Необходимо, поэтому, чтобы у нас были ясные представления о всех вопросах, извращенных или затемненных под влиянием энтузиазма, споров, эгоизма, фанатизма и т. д. Одним из таких вопросов является национализм, в последние 30 лет встающий перед обществом во многих и разнообразных формах.

Исторически, в течение 10 или 12 тысяч лет, на протяжении которых можно установить связь в деятельности части человеческого рода, и в течение 2500 лет этого периода, по отношению к которому имеется больше фактических материалов, а особенно за последние несколько сот лет, — мы видим много рас и наций, вступающих в поле зрения истории. Почти все они изменяются, сливаются с другими, разрушаются или вовсе исчезают, спустя несколько времени. Едва ли хоть одна из существующих европейских народностей может как следует доказать свое происхождение от какой-нибудь нации, существовавшей во времена расцвета древнего Египта, Греции или Рима. До этого исторического периода лежит неопределенно длинный период, когда

человечество рождалось и развивалось. В течение этого периода возникали первоначальные деления племен, разбросанных на пространствах, отличавшихся различными свойствами и климатом. Позднее, путем разнообразных слияний и смешений, путем исчезновения более слабых промежуточных типов, образовались более широкие единицы, народы. Одни из них стали оседлыми, другие остались бродячими и пребывали в таком состоянии в течение периодов неизвестной продолжительности, прежде чем история, предшествуемая безымянным доисторическим периодом, оказалась в состоянии дать народам имена. Все это чрезвычайно походит на растление и дифференциацию некоторых родов животных, со всеми их местными типами и разновидностями.

Каждая из этих местных человеческих единиц развивала в себе более или менее специальные физические черты, местный язык, обычаи, религиозные взгляды, политические учреждения, формы собственности, законы против нарушителей и т. д., а также специальные местные способности к продуктивному труду, к нападению и защите, запас традиций, общие симпатии и антипатии по отношению к соседним единицам, особенно там, где возникали связи между семьями, где речь шла о престиже руководящих родов и о священных связях, установленных жрецами. Всё это создавало национальность внутри малых единиц — идеал номинального родства и товарищества местных народностей. Это чувство, иногда дремавшее, но всегда бывшее налицо, иногда заглушает всякое иное чувство, делает народ недоступным рассуждениям и готовым на все для защиты того, что он считает правом и интересом своей нации, подобно тому, как люди часто приносят в жертву всё для защиты семейных интересов, когда солидарность берет верх над разумом и убеждением.

Всевозможные страсти неизбежно оказывают свое действие в подобных проявлениях чувства, усиливаясь под влиянием семейных или национальных интересов, как и при всяких действиях, подсказанных интересом. А за правами национальности следуют её требования, её претензии и, где возможно, её завоевания. В таких вопросах нет предела, и подобно тому, как употребление превращается в злоупотребление, так и претензии превращаются в несправедливые захваты. Старая поговорка говорит: «Прав я или не прав, а это моя страна». В этой поговорке полностью сказывается не рассуждение, а настроение, возникающее из слепой страсти.

Чего здесь не хватает, так это знания или сознания: сознания, достаточно сильного для того, чтобы отвергнуть солидарность с несправедливым деянием, а зачастую и преступлением, и знания, которое показало бы границы между тем, что правильно и справедливо, и тем, что не является таковым. Мы знаем, что является такими границами в физических и технических вопросах, мы знаем, что является ядом для здоровья или что оказывается пределом устойчивости для данных материалов, но во многих других вопросах мы во власти страстей или неумения отличать добро от зла, что нам диктуют страсть и интерес.

Национальность, невинное и желательное накопление столь многих хороших вещей, позволяющих нам чувствовать себя дома в данной местности или территории, в то же время способна причинить бесконечный вред. Национальность может быть фактором социальным или антисоциальным, в зависимости от того, ограничивается ли она пользованием, или же употребление вещей переходит в злоупотребление ими. Национальность была и остается предметом безжалостного использования

и злоупотребления на протяжении всей истории. Ею пользуются для целей братоубийства. Сильные нации поглощают и разоряют или рассеивают малые нации. Некоторые нации оказались всепожирающими и ненасытными. Азиатские монархии, Египет, деспоты Крита, Македония Александра, республиканский Рим и Рим цезарей, интеллектуально подчинившие себе народы, позднее — папский Рим, о котором мечтал Мадзини, а теперь — Рим империалистического фашизма наших дней, потом Испания времени кастильских завоевателей и американских конквистадоров, Англия времен нормандского завоевания и вплоть до нынешней империи, Франция Людовика XIV и Наполеона I, царская Россия, Византия и Константинополь, Германия средневековых императоров, Америка наших дней — страны политического и экономического империализма и т. д. Вся эта мировая масса тирании выросла из национальностей, которые, благоприятствуемые обстоятельствами, проявили больше умения и беззастенчивости, чем все другие, и подчинили других своему ярму.

Очевидно, таким образом, что национальность является сильнейшим фактором в процессе создания власти, ибо она ставит себе на службу всех людей и все ресурсы. Никакая прямая сила не могла бы это совершить, только добровольное подчинение призыву к патриотизму превращало на протяжении всей истории каждого человека в послушное орудие вождей своей страны и того, что они называли национальным интересом. Религия является другим фактором, но так как религии стремятся распространиться на все нации и при этом позднейшие кастовые религии, буддизм, христианство и т. д. занимают место более ранних местных культов, то их развитие совершается в противоположном направлении по сравнению с национализмом, который изолирует нации. Религии были бы даже гуманизирующим фактором, если бы они действительно придерживались этого принципа. Но когда дело доходит до войны, то мы все знаем, что местные культы немедленно возрождаются. «Бог» становится тогда на сторону каждой нации особо, помогает только ей и становится врагом ее врагов. Таким образом, религии никогда не умеряли местных страстей, а, наоборот, возбуждали их. Кроме того, религии сами вели много войн за свое собственное преобладание, за преобладание христиан или язычников, католиков или протестантов и т. д.

Гигантские страны всегда распадались на части или подвергались разрушению, как разрушены будут и ныне существующие империи. Однако, они оставляют после себя части империи, радующиеся своему освобождению. Эти освободившиеся части страны неизбежно заражены таким же духом господства, стремятся и сами стать большими державами. Теперешняя конфигурация политической Европы — все еще результат распада императорского Рима, отделения востока от запада. Рима от Византии, отчуждения севера от юга, итальянцев — от тех, кого римляне называли варварами, т. е. всех северных народов, вражда жителей средней Европы внутри и вне старых римских границ, влияние римских манер и обычаев, Франция и Германия, раздел внутри романских стран, где германское население, смешавшись с латинским и с первобытным населением, жило рядом с населением южных частей, где такой смешанности населения не было, но где возникла уже примесь африканских арабов. Я укажу здесь на Францию, Италию, Испанию, где север и юг очень различаются такую смесь рас.

В других странах позднейшие сильные расы наложили свой отпечаток: норманны из Скандинавии, заняв части северной Франции, делали набеги на северную Германию и на все другие берега до самой Сицилии, а позднее совершили завоевание Англии.

Все эти царства стремились стать могущественными государствами по образцу Рима, но так как они обязаны были своим возникновением военному завоеванию, то полководцы захватили большую часть земель и сами стали феодальными властителями. Церковь приобрела много других территорий, принесенных ей в дар или завещанных ей. Города часто имели возможность, благодаря своей экономической силе, добиваться некоторой независимости от королей и, в общем, местные власти с успехом защищали себя от государства, но сами становились не менее их авторитарными и угнетающими.

Эта система могла бы существовать до тех пор, пока производство и потребление сохраняли местный характер. Тем не менее торговля и финансы стали развиваться, стали возникать торговые центры, и дифференцированная местная жизнь превращалась постепенно в препятствие по мере того, как промышленность специализировалась и продукты ее распространялись путем торговли на обширные территории. Феодальные привилегии городов, рыночные монополии и т. д. препятствовали этому ходу развития. Неустранимый ход общественного развития создал обширные экономические территории последних столетий. Современное государство казалось сначала освобождением от местной мелкой тирании. Местным центрам мы обязаны развитием гражданской жизни, промышленности и науки, например, Флоренции, Нюрнбергу, Генту, торговым центрам, как Вена и Венеция, университетским городам, где сосредоточивалась научная жизнь, столицам, где все эти факторы сочетались с жизнью правительственных и придворных центров, вроде Парижа и Лондона. Ясно, что все эти цветущие центры требовали обширных территорий, откуда они могли бы черпать свои силы и куда они могли бы сбывать свои продукты и свою культуру. Таким образом, государства, какие мы знали до 1914 года, были созданы за время — от Карла Великого до века Карла V, а некоторые и позднее, соответственно с требованиями экономического прогресса, создавшего крупное и специализированное производство.

Это развитие, включая расцвет науки, техники, гражданской жизни и требования более значительной личной свободы, сделало возможной современную жизнь, интеллектуально зародившуюся в XVI и XVII веках, очень многим обязанную XVIII веку и приобретающую силу и признание путем борьбы со старыми привилегированными классами и революций в Нидерландах, Англии, Америке, Франции на протяжении трех веков.

XIX век, — когда подлинная наука и точная могущественная техника начали свое триумфальное шествие, когда естественные науки, техническое умение, пар и электричество стали фактами, совершенно преобразившими жизнь, — сделал интеллектуальную жизнь возможной, благодаря относительной безопасности, достигнутой европейскими странами и Соединенными Штатами после уничтожения наполеоновского империализма и испанского влияния в Америке и путем утверждения независимости в Северной Америке после второй войны с Англией.

В течение ста лет, или около того, земной шар наслаждался относительным всеобщим миром, все войны были локализованы. Это сделало прогресс либеральных идей характерным для того счастливого века. И только этот всеобщий прогресс дал возможность социализму и рабочему движению развиваться, принес освобождение крестьян, рабов и крепостных, свободную мысль и некоторые формы свободной народной самодеятельности, вроде кооперации. Затем, всеобщее обучение, свободу женщин и т. д. Все это развилось и заложило фундамент, который уже никогда не будет разрушен.

Этот прогресс явственно был связан с расширением экономической жизни, свободно развивающейся на обширных территориях, при помощи железных дорог и пароходов, проникая в самые отдаленные места земного шара и распределяя естественные богатства, добытые в дальних странах, по всему промышленному аппарату или снабжая ими потребителей новейших европейских и американских стран. Под этим давлением последние видимые препятствия для развития экономической жизни на территории одной нации были устранены: маленькие полунезависимые и вполне независимые государства пришли в тесное соприкосновение между собой. Из независимых итальянских государств и присоединенных территорий была создана объединенная Италия путем войн 1859 и 1866 годов. Германские территории были соединены экономически посредством таможенного союза. Затем препятствия к более тесному политическому союзу были устранены после войн 1866 и 1870 годов. Кобден стал проповедовать свободу торговли во всех странах. Это не было достигнуто, но многое было сделано для устранения препятствий с пути развития торговли и путей сообщения. На много лет, вплоть до 1914 года, Европа, за исключением России и Балкан, представляла собой континент, где паспорта стали рассматриваться, как принадлежность древней истории, а проживание повсюду стало свободным. Такой период существовал в Соединенных Штатах, где иммигранты могли свободно высаживаться в Новом Орлеане, переходить на речной пароход и устраиваться на берегах Миссури, где им было угодно, без всякого вмешательства властей.

Национализм благоприятствовал такому ходу событий в то время. Каждый мыслящий итальянец — за исключением некоторых федералистов — работал для создания объединенной Италии, каждый немец — для создания германского государства, республики или империи с общегосударственными учреждениями, способными устранить то дробление Германии, при котором через каждые несколько миль начиналось новое государство с особой монетой, законами и правилами. Это было до такой степени явно нелепым и так давно отжило свое время в Англии и Франции. Наиболее передовые люди были против уничтожения такого бесполезного разнообразия, мешавшего свободе. В известной своей брошюре, написанной в 1870 году, Бакунин резко выступает в защиту политического федерализма в Швейцарии, так как он стоял за разумность экономического единства, т. е. за мероприятия, введенные в Швейцарии в 1848 году и устранившие внутренние препятствия к свободе экономической жизни.

Здесь я должен напомнить читателям, что национализм был неизвестен вплоть до эпохи наполеоновской империи. Причина этого очень проста: это было вмешательство больших и малых государств в так называемую национальную жизнь. Это объясняет, почему они так хорошо сохранились на протяжении всех этих ве-

ков войн и потрясений. Это делалось не из терпимости, а просто потому, что никто об этом не думал. Образование имело очень узкие границы, и литературный язык, вместе с языками латинским, греческим, французским, итальянским, испанским, английским, немецким, служил образованным классам для сношения между собой. Рядом с этим местный диалект был языком народа и удивительно сохранился. Только случаи жестокого преследования после местных бунтов или нетерпимая религиозная политика и другие причины авторитарного порядка вдохновляли и вызвали местный патриотизм и особую любовь народа к своему языку, что было негодно властям и духовенству. Католическая контрреформация XVII века преследовала протестантские книги, напечатанные на славянском и литовском языках, нидерландский патриотизм преследовался испанцами, Швейцария укрепляла свой национальный патриотизм в борьбе с Германией и Бургундией. Все это были отдельные случаи, вызывавшие к себе всеобщую симпатию.

Только французские завоевания и оккупации, приведшие к созданию наполеоновской империи, напомнили европейским народам об их былой независимости. Прежде чем восстать с оружием в руках в 1815 году, они возродились духовно и стали усиленно заниматься своим национальным прошлым, стали разыскивать и собирать реликвии своего средневекового литературного наследия, народные песни и сказки, местную старинную мифологию и т. д. Наступила реакция против великого разочарования, вызванного французскими завоеваниями после того, как так недавно еще Франция была центром космополитизма и свободомыслия и оказала моральную и материальную поддержку Америке в ее борьбе за независимость и при провозглашении Прав Человека.

Начиная с 1815 года, идеология национализма сохранилась в общественном сознании Германии, где надежды на реформы после падения Наполеона не оправдались. Но это был либеральный и унитарный национализм студентов и части профессоров. Несколько лет спустя это направление получило поддержку со стороны промышленной буржуазии, и это придало вес экономическому унитаризму. В Италии национальный унитаризм был либеральным по тем же причинам и также получил существенную поддержку со стороны богатой ломбардской буржуазии; кроме того, он был укреплен пропагандой Мадзини, а позднее — сильным и честным мечом Гарибальди. Он имел за собой значительную тайную поддержку пьемонтской династии и государственных людей, которые таким путем приводили к неудаче всякое усиление республиканцев и народа и достигли того, что корона объединенного итальянского коро-левства досталась пьемонтскому королю, а с нею и вековые владения папы. В этих двух случаях национализм был только одним из факторов, содействующих неизбежному и полезному объединению маленьких и слабых стран.

В 20 и 30-х годах два других национализма выдвинулись на первый план — национализм Польши, где он жил со времен Костюшко и был подогрет в дни Наполеона, стал воинствующим в дни ноябрьского восстания 1830 года, а после того его сторонники удалились в почетную ссылку во Францию, Англию и другие страны. Раньше того, в 20-х годах борьба Греции против Турции хотя и была высоко дипломатическим делом, в котором чувствовалась рука России, Англии и других стран, но все же эта борьба имела свою националистическую сторону, производившую сильное впечатление, вдохновлявшую поэтов, вплоть до лорда Байрона. Успешная

испанско-американская борьба в дни Боливара, которой содействовали Англия (Каннинг) и Монро, стремившиеся открыть эти огромные территории для иностранной торговли, также привлекала к себе общественное внимание.

В 30 и 40-х годах славяне Австрии и Венгрии, чехи, словаки, хорваты, малороссы в России, а также сербы, все еще до некоторой степени связанные с Турцией, — все они подняли знамя национализма, который был настолько окрашен антигерманизмом, что скрытая рука России, ее агенты и рубли, панславизм, он же панруссизм, казалось, скрывались за каждым шагом этого движения. Начиная с 30-х годов и до 1914 года Германия относилась с недоверием к этому национализму, а это в свою очередь привлекло к нему симпатии Франции.

Хорошо известно, как глубоко Бакунин ушел в этот славянский национализм, которому он хотел придать федералистские формы и вызвать в нем социальные устремления. С 1846 до 1863 года он настойчиво работал в этом направлении, хотя в позднейшие годы он уже был менее настойчив и даже временами попадал под влияние тех, кто с недоверием относился ко всякому славянскому национализму по причине явных связей некоторых из его лидеров с интересами царизма. Это недоверие увеличилось и отравило атмосферу в Австрии и Венгрии и среди немцев вообще. Если верить всем разоблачениям, напечатанным чехами с октября 1918 года, тогда это недоверие, поскольку оно относилось к позднему периоду, было не лишено основания. Так произошло то, что этот национализм стал все усиливающимся фактором, к которому относились с безусловной враждой с германской стороны и безусловно дружески — с французской стороны, совершенно так же, как сам царизм со времен Гамбетты и Скобелева считался возможным спасителем и истинным другом Франции, тогда как Германия и Австро-Венгрия считали его постоянной угрозой для себя и заклятым врагом.

В годы до войны не только европейские державы разделялись на две враждебные группы, но и среди других союзников произошло деление и к каждой основной группе больших держав присоединилось несколько малых, которые обслуживали каждая свою группу великих держав и продолжали делать это до войны 1914-1918 г. г. Всем известно, до какой степени Гартвинг в Белграде держал в своих руках все нити тайных сербских организаций, до какой степени чехи считались важными персонами в Париже, а с другой стороны, как холодно относились в Париже и Лондоне к финнам, как врагам царизма, — как Пилсудскому льстили и помогали до войны австрийцы в Галиции, как немцы во время войны пытались помогать украинцам, грузинам, ирландцам, и другим антибританским националистам и т. д.

Общеизвестно, далее, что, к концу войны и после перемирия, новые национальные государства были образованы целиком под диктовку националистов, т. е. путем присоединения многих меньшинств другой национальности, которые в настоящее время живут под гнетом национальных государств, объявивших свой язык государственным языком и делают все возможное, чтобы заставить говорить на этом языке присоединенные меньшинства. Они действуют с несравненно большей суровостью, жестокостью и нетерпимостью, чем действовали в свое время против них самих. В сущности, с ними обращались более чем либерально. Они составляли даже правительственное большинство в Австрии почти все время с 1879 года. Тем не менее, после октября 1918 года они стали обращаться с германским населением этой стра-

ны с крайней жестокостью. Пилсудский теперь является чем-то вроде диктатора в Польше, короле Югославии — монарх без конституции. Литва имела диктатора в течение некоторого времени, Греция — также.

Куда бы мы ни взглянули, все национальные государства проявляют невероятную нетерпимость, жестокость и отсутствие прогрессивного духа, вместе с ярким милитаризмом и политическим честолюбием. Социализм подавлен национализмом, бессилён, и отчаяние гонит его в коммунистический лагерь. Беру на себя смелость сказать, что даже область культуры, столь дорогая каждой национальности, страдает при таких условиях. Прежде местная национальная жизнь, при её многостороннем разнообразии языка и обычаев, процветала. Теперь из правительственных центров городская жизнь заражает своей монотонностью всю страну. Местные диалекты стусеиваются и вытесняются однообразием официального языка, преподаваемого в школах и распространяемого газетами. Народные традиции исчезают под влиянием новейших веяний и т. д. Можно сказать, что политический национализм, национальное государство является могилой национальной культуры, этой высоко ценимой местным населением сокровищницы традиций. По моему мнению, она покупается слишком дорогой ценой. В результате получается полная изоляция от соседей на протяжении долгих веков. Это отчуждение и разрыв всех связей не вознаграждается, по моему мнению, связями с далекими политическими покровителями во Франции и Англии, считающими их полезными сторожевыми псами в настоящем, удобными союзниками во время войны в будущем, а во всем прочем мало интересующимися ими.

Анархисты во всем этом могут видеть пример того, к чему приводит антисоциальность. Прогресс ведет к расширению связей между людьми, к их мирному сожительству бок о бок, как духовно родственных друг другу единиц, устраивающих свои дела путем взаимных соглашений на федеральных началах. В больших странах это лучше всего можно делать путем свободных соглашений групп или объединения групп. Это не является более необычным, чем способ, с помощью которого на территории Соединенных Штатов, от океана до океана, устраиваются повседневные дела и совершаются миллионы деловых сделок, без всяких раздражающих ограничений и вмешательства со стороны, при чем лишь бесконечно малая часть этих дел дает повод для конфликтов и судебных процессов. Если бы эта территория Соединенных Штатов была разделена на 500 или 1000 национальных государств с таможенными перегородками и особыми в каждом учреждении, законами и враждебным друг другу духом, то отсюда возникло бы бедствие, которое мне не приходится описывать здесь. Это было бы, конечно, нечто противоположное тому, что каждый прогрессивный и практический человек и каждый анархист должен пожелать. Тем не менее, это именно и было бы торжество национализма, того образца, который господствовал в 1918 году и в довоенной Европе. Если эгоизм, изоляция, взаимная вражда, растрата сил, путем усложнения политического и экономического аппарата, являются качествами, если бы все это было целью анархистов, то они могли бы сочувствовать этому современному национализму. Но так как они желают как раз обратного, бескорыстия, товарищества, взаимного доброжелательства, упрощения общественных служб вплоть до их полного исчезновения, до их превращения в обычную работу, выполняемую там, где она нужна, всеобщего доступа к богатствам земли, исчезнове-

ния различия между богатыми и бедными странами, — так как анархисты желают всего этого и вполне правы в этом своем желании, то что могут иметь они общего со всеми этими корыстными националистами? Анархисты являются полярною противоположностью по отношению к националистам.

* * *

Все мои симпатии принадлежат национальной культуре, охраняющей творческую работу далекого прошлого в этой области. Совершенно также мои симпатии принадлежат делу охраны долгой работы природы, являющейся нам в форме прекрасных пейзажей, гор, лесов, озер и рек, а также одушевленной природы, всех видов животных и растений, охране продуктов и искусства, ибо жизнь в здоровой обстановке всегда производит их, тогда как механизированная жизнь городов жестоко давит их, а жизнь в условиях нищеты никогда не позволяет им развиваться. При всем этом истинные анархисты должны будут признать, что механизированная городская жизнь наших дней является лишь мимолетным эпизодом. Человечество восстанет против этого образа жизни, прежде чем станет слишком поздно, прежде чем она наложит свой отпечаток на грядущие поколения и станет производить живых рабов, химически откармливаемых и, быть может, разводимых, в инкубаторах. Все это представляется нам кошмаром, рассеять который может естественная и национальная культура, владеющая средствами возрождения человека.

Я провел чудесное воскресенье 3 мая в Сан Кугат, за горной цепью, которая окружает Барселону. Там, в сосновом лесу, несколько сот товарищей и их семей собрались на пикник и провели день в полном согласии, варили пищу, играли в простые групповые игры, временами слушали ораторов, артистов, декламаторов революционных стихов, и все это, не употребляя напитков, почти не занимаясь куреньем, весело распевая и отдаваясь беспредельному веселью и оживленным разговорам. Это был день, проведенный в анархической Аркадии. И этот день дал мне новые надежды. Я сразу почувствовал себя перенесенным приблизительно в 1831 год, когда современная механизированная жизнь была неизвестна. Потом я перенесся в 2031 год, когда, я надеюсь, от современных оргий рационализованного машинизма останется лишь смутное воспоминание. Эти товарищи, среди которых было несколько самых крайних анархистов, — людей, которые до наступления нынешней перемены десять раз ставили на карту свою жизнь, являются истинным звеном между более терпимым прошлым и счастливым будущим. В этом духе согласия и постоянства мы можем и должны быть истинным авангардом прогресса, и тогда многие присоединятся к нам.

Эти каталонские рабочие также стоят перед резко поставленной национальной проблемой, но они разрешают ее в ином духе, чем националисты, победившие в 1918-1919 годах. Они принадлежат к школе Франциско П. Маргала, знаменитый труд которого «Национальности» был напечатан в Мадриде в 1877 году и представляет собой испанский учебник национального федерализма. Я не могу обсуждать здесь каталонскую проблему и только напомним тот факт, что каталонский язык, высоко развитый с давних времен, родствен народному языку юга Франции и совсем не принадлежит к испанской ветви новолатинских языков. Каталонцы имели свое независимое государство с давних времен, и если бы это государство возродилось, как того желают многие каталонские националисты, то оно создало бы богатую и плодотворную страну, совершенно однородную в отношении языка и национальности, хотя и с очень клерикально настроенным большинством крестьян и части городского населения, а с другой стороны, здесь были бы самые передовые анархисты, синдикалисты и самые радикальные республиканские элементы в качестве сильного меньшинства.

Национальное Собрание испанских анархических синдикатов в Мадриде 23 апреля приняло следующую резолюцию, которая подробно объясняет и защищает идею против националистов-сепаратистов и их газеты «Nosaltres Sols» (что в переводе означает «Мы одни») в Барселонской ежедневной газете «Solidaridad Obrera» от 5 мая. Автор ее товарищ Ж. Пейро, один из самых выдающихся синдикалистов, каталонец из Маторо, около Барселоны. Он дает понять, что идеи этой резолюции принадлежат ему. Точный текст резолюции таков:

«В душе человека живет врожденное предрасположение быть свободным, независимым, но эта свобода, эта независимость должны быть гарантированы общей мыслью: жизнь обеспечивается путем солидарности и взаимопомощи. Разум и ясная мысль толкают народ с величайшей настойчивостью к завоеванию этой свободы.

Каталония всегда шла во главе этого крестового похода. Другие области смотрели с симпатией на бунтарский жест Каталонии и всегда оказывались склонными помочь ей. В настоящее время проблема изменилась. Режим пал. Абсолютизм свергнут, появились заря дней новой свободы. Но эта свобода, это стремление к самому высокому, что должно быть гарантировано всеобщим союзом, может быть омрачено тенью — тенью каталонского сепаратизма.

Национальная Конфедерация Труда не может признать сепаратизм, нарушающий единство и органическую жизнь пролетариата. Она пришла к этому заявлению не путем утверждения республики, как системы правительства, ибо юридические, экономические и гуманитарные проблемы, которые пролетариат должен разрешить, лежат далеко за пределами республики, как лежат они далеко за пределами всякой вообще системы, принижающей свободу человека. Для рабочих не существует ни режима, ни отечества, — существуют только люди, гармония, человечество. Внутри человечества существует только экономическая необходимость с ее обычаями и особенностями.

То, что составляет подлинную сущность человека, должно уважаться при федералистической системе, которая началась в Испании, которая будет усвоена всеми другими странами Европы и охватит все человечество. Но эта система не столько разделяет, сколько соединяет, не столько раскалывает, сколько укрепляет. Поэтому сегодня, перед лицом рождающегося нового режима, Национальная Конфедерация Труда заявляет, что всей своей энергией, всеми силами, вызванными на улицы, она будет противиться всякому сепаратистскому желанию, будет ли оно исходить от каталонского, галицианского или баскского района, применяя способы от генеральной стачки до вооруженного восстания. Начиная от пассивного сопротивления и вплоть до гражданского неповиновения, она будет применять все средства, чтобы обратить в ничто власть, которая вздумала бы нарушить это единство, ибо в истории пролетариата и Национальной Конфедерации Труда нет путей, ведущих вспять, а есть постоянное движение вперед и выше, в поисках абсолютного правового и экономического равенства. Поэтому федеративные армии, со всей силой, порожденной их историческими жертвами и их любовью к свободе, требуют сегодня, чтобы это необходимое единство было сохранено в интересах всех людей, а завтра, если это требование не будет услышано, армия осуществит его силой.

Федеративная армия несет этот дух согласия во все области путем национальных митингов. Прологом к этой кампании послужит акт большого общественного значеня в Барселоне, при котором должны будут присутствовать представители всех

областей и который скажет душе всех рабов, чтобы они более твердым шагом шли вперед, объединенные стремлением к федерализму, заставляющим трепетать весь коллектив.»

В этой статье от 5-го мая Ж. Пейро замечает: «Линия, отделяющая национализм от федерализма и свободы, основанных на всеобщей солидарности народов, представляет собой основу позиции Национальной Конфедерации Труда перед лицом каталонского сепаратизма. По внешности этот сепаратизм означает национальную свободу Каталонии, но в свете исторического опыта национализма не дает ни малейшей гарантии постоянной политической, экономической и социальной свободы для каталонцев»... «Н. К. Т. склонна восстать и воспротивиться всеми способами также и против испанского империализма и против каталонского сепаратизма... Н. К. Т. желает защищать, в качестве исходной точки в направлении к лучшему миру, чем нынешний, величайшую свободу для всех испанских народов внутри их солидарной федерации. И в качестве величайшей свободы, какой мы желаем для всех народов, мы считаем принцип иберийских (полуостровных) национальностей (Испании и Португалии), но без границ, с тем, чтобы ни один кастилец, галицианин или уроженец местности по ту сторону Эбро, никогда не считался бы иностранцем в Каталонии...»

Далее, Ж. Пейро замечает: «...Для анархистов и синдикалистов, свобода национальностей, целиком основанная на этических данных, не тождественна с ограждением части территории внутри границ. Язык, культура, а также различия рас не являются для нас причинами для разделения людей путем искусственных границ. Мы считаем имманентным, абсолютно неоспоримым право всех народов культивировать свой язык, развивать культуру и сохранять естественные традиции, коренящиеся в их душах. В последней глубине наших существ, как людей и идеалистов, хранится мысль, что не только области и муниципалитеты, не также индивиды, должны пользоваться величайшей автономией и свободой. И в качестве синдикалистов и анархистов, именно потому, что мы согласны с этой резолюцией, вызвавшей столько споров, мы будем бороться за то, чтобы Каталония получила максимум свободы, но мы также будем бороться и за то, чтобы право на такую же свободу было признано за другими областями...» Н. К. Т... «заявляет, что она будет выступать против границ, которые, желают ли того люди или не желают, являются отрицанием принципов интернационализма, которые так интересуют пролетариат Каталонии и всего мира...»

Эти выдержки из замечаний уравновешенного и опытного активиста читатель должен признать вполне согласными с моими замечаниями в настоящей статье. Величайшая местная свобода для всех неагрессивных выступлений, для всей культурной жизни, но в пределах солидарности ныне существующих больших стран или внутри той беспредельности, какую является человечество в целом, — и такая же свобода для всех других: вот то, что анархисты не только охотно признают за национализмом, но что они считают неотъемлемым его правом, ибо каждому виду и каждому индивиду человеческого рода принадлежит право жить полной жизнью. Большого они требовать не могут.

Страны, сложившиеся в Европе до 1914 года, обязаны были своим происхождением бесчисленным интригам и преступлениям государственных людей, жестоким войнам, жадности, угнетению и проч., но если бы только это составляло их базис, то они не могли бы существовать в течение целого века с 1815 до 1914 г., претерпев лишь сравнительно немного территориальных перемен и не испытав никаких действительных перемен в общем равновесии. Это доказывает, что в главном они отвечали экономическим, географическим, историческим и другим потребностям. Произвести все огромные перемены 1918-1919 годов, дав полный простор жадности и жажде мести националистов, это означало разрушить экономическую жизнь этой части земного шара преднамеренно, а это не замедлило бы оказать свое влияние на все страны земного шара. Эта работа национализма была преступна, и очень многие народы видят это теперь. Разрушить экономическое единство Испании, после более чем 4-х столетий связи между Каталонией и остальной частью современной Испании, означало бы повторение того, что было сделано в 1918-1919 годах в других странах. В это роковое время анархисты и в сущности все рабочие оставались безмолвными и дали возможность националистам восторжествовать.

На этот раз испанские рабочие, анархисты и синдикалисты, подняли тревогу и сказали, что они не допустят этого разрыва. Это показывает, что они обладают здравым смыслом и являются крупным поражением сепаратизма, если они победят. Очень характерно, что испанские коммунисты, малочисленные, но обзаведшиеся, конечно, своими собственными большими газетами, утверждают, что их 20000 там, где на деле их всего двадцать, и такие люди слывут в Каталонии сепаратистами и патриотами. Троцкистская фракция именно так поступает. Но так как они, в то же самое время, настойчиво обращаются к исполкому своего интернационала с просьбой вновь принять их в основную партию, то можно предположить, что они уже теперь действуют в согласии с общими коммунистическими планами. Планы же эти для Испании состоят в том, чтобы создавать расколы, столкновения, беспорядки и разрушения всеми способами. Будем желать, чтобы сепаратисты оказались столь же рассудительными, как анархисты и синдикалисты, которые зорко следят за этими врагами, шляющимися вокруг них.

Анархисты всех стран сделали бы хорошо, если бы прониклись принципами и практикой федерализма. Известно, что эти принципы очень привлекали к себе Петра Кропоткина, когда, — к несчастью, слишком поздно — он заметил отсутствие их в русской революционной психологии и стал пытаться убедить товарищей, чтобы они изучали этот вопрос. Однако он был вынужден очень рано покинуть Москву в то время и удалиться в Дмитров. Очень мало вероятно, чтобы революция в близком будущем в какой-нибудь стране разделила бы ее на анархические группы или синдикаты, но будут перемены в структуре, которым должно быть дано федералистское направление. В Испании это хорошо было подготовлено П. Маргалом, но в других местах было сделано очень мало.

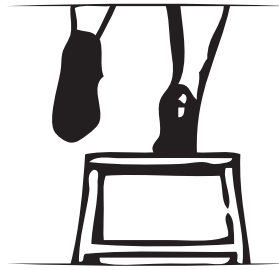
В своем журнале «Pensiero e Volonta», 1924-1926, Малатеста напечатал статьи о федерализме, который очень немногие, но замечательные авторы пытались ввести в итальянскую реконструкцию, но в этом воспрепятствовал им Мадзини со своими объединительными тенденциями.

Здесь, в федерализме, заключается настоящая задача для истинного, незахватнического национализма. Анархическое применение этого принципа, о котором и помыслить нельзя в централизованном государстве, могло бы найти свое первое осуществление в автономных частях федеративного государства. Тем, кто заявляет «все или ничего» это не понравится, но те, кто говорит «все в свое время» и «начнем сначала», — не станут пренебрегать федерализмом.

Вот что я могу сказать теперь об анархизме и национализме. Если мне будут сделаны возражения, то я постараюсь обсудить их, ибо этот обширный вопрос не может быть здесь исчерпан.

Барселона, 1931.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Неттлау
Анархизм и национализм
1931

Сохранено 18 июля 2014 года из http://www.e-reading.by/bookreader.php/101232/Nettlau_-_Anarhizm_i_nacionalizm.html

ru.theanarchistlibrary.org